

*Илья Дементьев
(Калининград)*

**«ВЛАСТЬ ПЕРЕТАСОВАННЫХ БУКВ»:
АНАГРАММЫ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РЕНЕССАНСА¹**

Рассмотрена история феномена анаграммы в европейской культуре Средневековья и Ренессанса. Продемонстрировано разнообразие сфер применения анаграмм в рамках культурных практик разных социальных групп. Указаны перспективные направления дальнейших исследований анаграммы в контексте развития европейской культуры.

Ключевые слова: анаграмма, средневековая европейская культура, Ренессанс.

Раздел об анаграммах в «Оксфордском путеводителе по словесным играм» начинается с рассказа о вере каббалистов, еврейских мистиков XIII столетия, в магические свойства еврейского алфавита. Дорога к истине открывалась с помощью перестановки букв, которые использовались в священных еврейских текстах. «Верили даже, что Иеремия и другие пророки творили человеческих существ (“големов”) из праха путем чтения вслух букв в определенном порядке: один порядок букв создавал мужчину, другой — женщину, а посредством обратного порядка вы могли вернуть голема назад в прах. Эта вера во власть перетасованных букв алфавита продолжалась от Средневековья до Ренессанса» [5, p. 71].

© Дементьев И., 2015

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Анаграмматические коды: когнитивные основания и текстоорождающие возможности» № 14-04-00124.

Средневековой и ренессансной культуре христианской Европы действительно свойственно использование анаграмм разными способами и в разных целях. Однако интерпретация роли анаграмм в культуре на протяжении этого времени требует учета не только иудейской религиозной традиции, но и античной учености, восходившей к индоевропейскому символизму. Если каббалистическое влияние, отмеченное в «Оксфордском путеводителе», проявилось, по сути, уже в позднем Средневековье, то преемственность между принципами организации священного текста и связанными с ними способами репрезентации истинного знания нуждается в реконструкции на значительном материале — от древних индоевропейских культур, включая античную, через представления и практики ранних христиан к средневековой и ренессансной культуре. В настоящей статье предлагается рассмотреть некоторые проблемы, возникающие в процессе такой реконструкции.

Не претендуя на полноту освещения вопроса, автор хотел бы обратить внимание на то, что именно средневековый и ренессансный материал наглядно демонстрирует ограниченность взгляда на анаграммы как исключительно на игру ума, присущую узкому социальному слою интеллектуалов. В XVII веке, в контексте разворачивавшейся в эпоху барокко секуляризации культуры, анаграмма действительно стала приобретать характер такого развлечения, частным случаем которого была политическая сатира. И сегодня анаграмма как ресурс для текстопорождения и как форма завуалированной политической критики представляет собой характерную особенность западной культуры, не утратившую, кажется, свою привлекательность даже вследствие визуального поворота и постепенного снижения роли текста в повседневных культурных практиках. Более внимательный анализ эволюции анаграмматизма в средневековой и ренессансной Европе позволит проследить единство традиции от истоков индоевропейских культур до эпохи глобализации.

На этом пути, впрочем, находки и открытия постоянно соседствуют с радикальным сомнением, которое не так легко устранить: наряду с хроническим дефицитом источников задачу усложняет специфика анаграмматизма, причем двоякого характера. Во-первых, анаграммы зачастую создавались в криптографических целях, то есть для сокрытия подлинного знания. Сам процесс анаграммирования был направлен одновременно на то, чтобы скрыть нечто для одних и сделать его очевидным для других. Каким образом современному человеку попасть во вторую группу — серьезный вопрос для исследователя, который обречен на неокончательную уверенность в правильности своих реконструкций. Вторая сложность для непредвзятого, насколько воз-

можно, исследования состоит в том, что интенциональный характер анаграммирования далеко не всегда доказуем. Если осознанно создаваемые анаграммы — более чем обычное явление в барочной или постмодернистской культуре, то в отношении более ранних периодов сомнений значительно больше. Сам Фердинанд де Соссюр, выдвигая свою знаменитую теорию анаграмм, не решился ее опубликовать, поскольку не был уверен в сознательности действий античных авторов, в текстах которых обнаруживались анаграммы, — ни одного свидетельства об этом в имеющихся у нас текстах греков и римлян не обнаружено (подробнее см.: [1]).

Учитывая названные сложности, обозначим все же некоторые перспективные направления исследований использования анаграмм в европейской культуре V — XVI веков.

Первое обстоятельство, достойное нашего внимания, состоит в том, что безусловные или гипотетические анаграммы встречаются на всем протяжении европейского Средневековья, по крайней мере известного нам по письменным источникам. Уже в отношении эпохи Меровингов (конец V — середина VII века) в королевстве франков при всей скудости наших сведений исследователями высказывались редкие предположения относительно практики анаграммирования. Г. Варю в ходе раскопок 1897 года в Коллонже (Бургундия) обнаружил бронзовое кольцо с выгравированной анаграммой (по всей видимости, в женском захоронении) [29, p. 619]. Неожиданный аспект обсуждается О. Брюаном, который, обобщив нумизматические данные периода Меровингов и Каролингов (VII—IX века), характеризует монеты из Майенна с загадочной надписью VITCVSI, «не поддающейся расшифровке на сегодняшнем уровне наших знаний» [6, p. 28]. Брюан отвергает предположение коллег о том, что на монете выгравирована неточная анаграмма слова *civitas* — «цивитас, гражданская община», потому что других примеров такой номинации в нумизматическом материале того времени не встречается — остается ждать следующих находок [6, p. 30].

Важнейшим каналом трансляции культурных практик в Европе стала раннехристианская литература. С.Г. Проскурин, развивая теорию Ф. де Соссюра, называет даже копирование индоевропейских приемов именованья божеств (в том числе путем анаграммирования) «классическим примером рецепции в традиции, когда фундаментальное представление заимствуется из другой культуры, иногда не родственной... но также перерабатывается в сути и предстает как индоевропейский феномен» [3, с. 66]. Унаследовав от ранних христиан, подвергавшихся преследованиям, криптографическую практику, христианские писатели и в дальнейшем сохраняли верность анаграмми-

рованию как одному из средств сокрытия истинного знания. При этом в древнеевропейской литературе параллельно духовной традиции анаграммирования (в первую очередь имени Бога) складывалась светская: в частности, есть серьезные основания полагать, что анаграмма (наряду с ее разновидностью — палиндромом) применялась в качестве приема вторичного кодирования в древнеанглийских загадках так называемого Эксетерского кодекса, в котором соединены важнейшие памятники англосаксонской письменности VIII—X веков (см.: [2]).

Отдельную исследовательскую перспективу открывает анаграмматическая интерпретация текстов, которые размещались на культовых зданиях. Примером такой работы служит анализ, которому американский исследователь К. Кендалл подверг хризму — монограмму Иисуса Христа, изображенную на портале собора Сан-Педро в Хаке (Арагон, конец XI века), а следом и на других романских порталах. Распространенной трактовке букв X и P как греческих «хи» и «ро» (начальные буквы слова «Христос») Кендалл противопоставляет чтение PAX (лат. «мир») против часовой стрелки в надписи на ободке хризмы. Надпись на ободке хризмы — «*Hac in sculptura, lector, sic noscere cura: P Pater, A Genitus, duplex est Spiritus Almus. Hii tres iure quidem Dominus sunt unus et idem*» [18, p. 230; см. также: 4, с. 433], где *duplex* понимается им как «X» (тогда P обозначает Отца, A — Сына, а X — Святого Духа). По мнению Кендалла, эта анаграмма отсылает к двум текстам² — 33-му псалму и приветствию, адресованному верующим в конце евхаристической молитвы «*Pax Domini sit semper vobiscum*» («Мир Господень да пребудет с вами») [18, p. 130—131; см. также: 4, с. 433]. В Пиренейском регионе анаграммы, сопровождающие хризму, вписываются в контекст покаянного ритуала, поэтому неслучайно то, что такому прочтению поддаются аналогичные надписи на пути паломников в Сантьяго-де-Компостела (в последнем месте, кстати, встречается анаграмма PAX, прочитываемая по часовой стрелке). С. В. Сорокина, развивая догадку К. Кендалла, усматривает анаграмму PAX и в надписях за пределами Пиренейского региона, например на портале церкви Санта Мария Маджоре в Риме (VI век) [4, с. 434].

К. Кендалл показывает также более широкий контекст бытования анаграммы PAX в средневековой культуре: например, Гийом де Дегильвиль в «Паломничестве человеческой жизни» (1350—1355) описы-

---

² Российская исследовательница С. В. Сорокина, которая своей весьма содержательной статьей привлекла наше внимание к работе Кендалла, не очень точно отмечает, что он «приводит два вербальных элемента покаянного ритуала, где упоминается анаграмма PAX (мир)» [4, с. 433]. На самом деле Кендалл пишет, что это анаграмма PAX «может отсылать» к тем двум вербальным элементам [18, p. 130].

вает двух прекрасных женщин — Наказание и Милосердие. В руках Милосердия завещание — документ, из которого следует, что Христос завещал драгоценность, то есть мир, тем, кто вообще-то этого недостоин. Три буквы P, A и X раскрываются в этом даре, символизируя три жизненных принципа — пребывать в мире с соседями (*prochains, prochainus*), избавляться от пороков ради спасения души (*âme, anima*) и подчиняться воле Христа (X) [18, p. 137–138].

Несмотря на то, что анаграмма К. Кендалла не является строгой, сам прием анаграммирования, восходящий к древней индоевропейской практике указания на значимое слово без его названия, здесь реализован. В средневековой литературе этот прием исследователи обнаруживают довольно часто. В «Романе о Бруте» (*Roman de Brut*), написанном в стихах на англо-нормандском языке в середине XII века, повествуется об истории Британии. В строках «*Ki vult oïr e vult saveir / De rei en rei e d'eïr en eïr...*» («Кто хотел бы услышать и узнать / Об удачливых королях и их наследниках...») исследователи усматривают каламбур, связанный с анаграммой *rei-eïr* [30, p. 17].

К тому же столетию относится роман «Ланселот, или Рыцарь телеги» (ок. 1170?) Кретьена де Труа, в котором, по высказанному в 1975 году мнению Ж. Рибара, анаграмма обнаруживается в ключевой паре номинаций. Сначала Рибар интерпретирует название королевства Логр (*le royaume de Logres*), которым правит Артур, как королевство огра, великана-людоеда из кельтской мифологии — *le royaume de L'Ogre(s)* (отсюда идея Королевства Смерти). Затем исследователь отвергает отождествление королевства Горр (*le royaume de Gorre*), которым правит король Бадмагю, с таинственным островом Вуарр (*Ile de Voirre*), предлагая видеть в названии Горр анаграмму слова *Logre*, «а мы знаем, что Средневековье было достаточно взыскательным к этому типу “игры слов” — в самом благородном смысле слова, — чтобы было чему удивляться» [22, p. 17–18]. В качестве примеров анаграмматической игры той эпохи Рибар приводит рассуждения об оппозиции между *Eva* и *Ave* (новая Ева — инверсия грешницы), а также эпизод из так называемой Бернской редакции анонимной поэмы «Безумие Тристана» (конец XII века), где Тристан называется анаграмматическим именем Тантрис (*Tristan = Tantris*), чтобы тайком посетить Изольду. Инверсия *Gorre* в виде (*l'Ogre*) отражает разницу между двумя королевствами и даже между двумя мирами: переход из королевства (*l'Ogre*) в королевство *Gorre*, совершенный Ланселотом, — это переход из мира смертных (короля Артура) «в новый аватар знаменитого Авалона, в Другой Мир, который является миром вечной жизни» [22, p. 18].

Сегодня не вызывает сомнений широкая распространенность практики анаграммирования имени Прекрасной Дамы в поэзии трубадуров. Провансальский трубадур Сордель (ум. ок. 1270) обыгрывает имя Гиды (Guida, ум. 1266), адресуя свою поэму даме *Na Grativa* [13, р. 328 – 329, 343]. В романе XIII века «Гильом де Патерн» (Guillaume de Paterne) имя Прекрасной Дамы Жюлианы (*Juliane*) шифруется в имени Виалины (*Vialine*) [14, р. 347] и т. п.

Развитие этой идеи неизбежно привело к тому, что исследователи начали искать анаграммы повсюду: Тристан Тцара, знаменитый основатель дадаизма, в работе «Секрет Вийона» [28] предпринял попытку дешифрования скрытых анаграмм в поэзии Франсуа Вийона и, далее, поиска анаграмм в творчестве Ф. Рабле, Ф. Петрарки, Данте и других авторов вплоть до трубадуров XII века. П.-И. Тестенуар показывает, что подходы Ф. Соссюра, искавшего в индоевропейских текстах технологию сокрытия имени бога, сближаются с попытками Т. Тцара восстановить на материале европейской поэзии скрытые женские имена [26].

К достижениям средневековой культуры относится и чуждая Античности практика анаграммирования псевдонимов самих авторов. Трудно сказать, когда она зафиксирована впервые — в литературе высказывались предположения относительно того, что подлинное имя англо-нормандского поэта XIII века Шардри, автора поэмы «Семеро спящих», было Ричард (Chardri = Richard) [21], но убедительных доказательств этому пока не найдено, поскольку биография Шардри, в общем, неизвестна. «Оксфордский путеводитель» указывает, что эта практика зарегистрирована как минимум в 1539 году, когда Жан Кальвин выпустил сочинение под псевдонимом Алкуин, которое было анаграммой латинской формы имени автора (Calvinus = Alcuinus) [5, р. 75]. Самые известные псевдонимы ренессансной эпохи — Алькофрибас Назье у Франсуа Рабле (Alcofribas Nasier = François Rabelais, ок. 1494–1553) и Партенио Этиро у Пьетро Аретино (Partenio Etiro = Pietro Aretino, 1492–1556³).

Писатель и монах-цистерцианец, находившийся под большим влиянием Рабле, Филипп д'Алькрип (1531–1581) оказался Филиппом Ле Пикаром, выбравшим псевдоним по принципу анаграммы (Philippe d'Alcripe = Philippe Le Picard). Анаграмматический псевдоним для писателя — распространенное явление в XVI веке, когда, впрочем, путем перестановки букв создавалось не обязательно новое имя, но, например, девиз: Бенуа де Тронси (ок. 1525–1599) подписывал свое сочинение фразой «Доброта здесь не возрастает» (bonté n'y croist = Ве-

³ В «Оксфордском путеводителе по словесным играм» Аретино почему-то назван «венецианским писателем XVII века» [5, р. 75].

noît de Troncy), а лионский гуманист и переводчик Жан де Возель (ок. 1495 — ок. 1559) — девизом «по-настоящему усердный» (*d'un vray zele* = *Jean de Vauzelles*) [8, p. 84].

Встречались и женские анаграмматические псевдонимы: Жоржетта де Монтенэ избрала девиз «Золотая награда не скоро удивит тебя»⁴ (*Georgette de Montenay* = *gage d'or tot ne te meine*), а в рукописных вариантах поэтического романа Анны де Гравиль (*Anne de Graville*) встречается девиз в виде точной анаграммы — *J'en garde un leal* [*Ibid.*]. Лионская поэтесса Луиза Лабе (1522—1566) в 1555 году выпустила том стихов, в которых ее имя зашифровано различными способами, в том числе трижды — в форме анаграмм («*Belle à soy*»; «*à soy belle*» и «*la loy se laberynthe*» = *Louïze Labé*) [*Ibid.*, p. 89]. Конечно, такие трюки проделывались с именами не только авторов, но и персонажей: испанский драматург Херонимо Бермудес (1530—1599), находившийся под влиянием португальского драматурга Антонио Феррейры (1528—1569), в названиях своих пьес «Ниса злосчастная» и «Ниса увенчанная» увековечил образ *Nise*, имя которой было анаграммой *Ines* — героини драмы Феррейры «Кастро» («*Инес де Кастро*») [9, p. 49 (181)]⁵.

Наконец, иные литераторы доверяли анаграммам больше, чем гороскопам. Близкий к «Плеяде» французский поэт Воклен де ла Френэ (*Jean Vauquelin de la Fresnaye*, 1536—1607), по всей видимости, тоже питал пристрастие к анаграммам, потому что, женившись на Анне де Бургвиль (*Anne de Bourgueville*), открыл, что его имя анаграммируется как *Lieu n'ay qu'a une* («Место только для одной»), а ее — как *D'un gré louable unie* («Соединенная похвальной волей») [11, p. 3 (135)].

Лирике наследует сатира: в средневековой Европе появляются политические анаграммы неизвестного авторства, написанные на латыни (позже — и на национальных языках). Хорошо изученный пример — гибеллинская эпиграмма против папы римского Климента IV (1195—1268), которая содержала анаграмматически зашифрованное итальянское имя папы *Fulcodi* [17, p. 963—964]. Примерами анаграмматических нападок были разные исторические деятели — и религиозные, как Мартин Лютер (*Martinus Luterus* = *vir multa struens*, «Муж, многое разрушивший») [24], и светские. К последним принадлежал, например, французский король Генрих III, которому сильно доставалось от авто-

⁴ Смысл анаграммы понять нелегко, предложенный вариант сформулирован М. ван Элк [13, p. 190].

⁵ Кажется, попытки найти анаграммы у Шекспира в основном закончились неудачей: за пределы малоосмысленных фраз («*My kingdom for a horse*» = «*OHMS. Go for dinky mare*» или «*Romeo and Juliet*» = «*Our idol met Jean*») выйти не удалось [5, p. 81].

ров памфлетов 1570–1580-х годов, где его династическое имя *Henri de Valois* представлялось как *le vilain Hérodes* («Мерзкий Ирод») [12]. С другой стороны, после убийства Генриха III в 1589 году монахом Жаком Клеманом получила хождение другая анаграмма, сочувственная по отношению к жертве убийства: слова *Frère Jaques Clément* («Брат Жак Клеман») читались как *C'est l'Enfer qui m'a créé* («Ад сотворил меня») [23, р. 62].

Специфика ренессансной культуры, обусловленная бурным развитием книгопечатания и постепенной демократизацией литературы, привела к тому, что появлялись более скромные, нежели монархи или религиозные реформаторы, объекты для критических анаграмм. Например, некий врач Колен Себастьян опубликовал в Туре в 1553 году «Декларацию заблуждений и ошибок аптекарей»; в ответ четырьмя годами позже лионский аптекарь Пьер Браие выпустил «Декларацию заблуждений и невежества врачей», которую оформил как ответ некоему медику *Lisset Benancio* — по всей видимости, имя последнего представляет собой анаграмму от *Colin Sébastien* [19, р. 214]. Упреки со стороны врачей в адрес фармацевтов были частыми, но обратные случаи встречались значительно реже [Ibid., р. 209], так что, возможно, Браие, указав вымышленного адресата, своеобразным способом страховался.

Уже из этих разнообразных примеров следует, что замечание А. Лиде о том, что в Средние века анаграммы оставались уделом двух сословий — ученых и клириков [20, S. 71], далеко от справедливости. Последние, впрочем, действительно преуспели настолько, что из фразы *Ave Maria gratia plena! Dominus tecum* составили 1200 дифирамбов в форме анаграмм [Ibid.]. Однако ученые прибегли к анаграммированию, по всей видимости, позже литераторов: в XVI веке, когда сложился специфический «философский стиль», отражавший сближение криптологии и алхимической экзегезы (см.: [16, р. 45–46]).

Язык поэтов оказался востребован алхимиками. Теобальд де Хогеланд (*Theobald de Hoghelande*) одним из первых обратился к лингвистическим проблемам алхимии: в трактате «*De Alchemiae difficultatibus*» (1594) он обсуждает препятствия для обнаружения философского камня: наряду с моральными и духовными или чисто практическими существуют также трудности вербального характера. Повышенное внимание к языку как средству достижения истины привело к тому, что эзотеризм алхимических трактатов востребовал криптографии. С этой целью в ход шли аллегории и метафоры, слова шифровались с помощью замены букв (строго — одна другой), особая роль придавалась первым, средним или последним буквам слов.

В аллегории «Зеленый сон» (*Le songe vert*, XIV век), которая приписывалась Бернару ле Тревизану (*Bernard le Trévisan*, 1406–1490) и по-

лучила алхимическую интерпретацию в конце XV столетия, персонажи носят имена в форме анаграмм: *Seganissegede* = *Génie des Sages*, «гений мудрецов»; *Ellugate* = *Glu étale*, «неподвижная смола»; *Linemalore* = *Lie normale*, «нормальный осадок»; *Tripsarecopsem* = *Corps, Ame, Esprit*, «тело, душа, дух» [16, p. 69]. В трактате «Зеркало из семи глав» Роджер Бэкон применил игру другого рода⁶: каждая из глав начиналась словом из фразы *In Verbis Praesentibus Invenies Terminum Exquisite Rei*, начальные буквы каждого слова складывались в имя IUPITER, Юпитер, то есть символ олова. При этом последние буквы в последних словах каждой главы *Proiectionis, debet, tota, tamen, bitumen, nutu, inaeternum* давали слово STANNUM, «олово» [Ibid.].

Приверженность эзотериков Ренессанса к анаграммированию настолько типична, что перед исследователями возникает новая проблема: как разгадать исходное имя, если приходится иметь дело с вероятной анаграммой. В алхимическом трактате XII века «Ассамблея философов» («*Turba Philosophorum*») наряду с такими известными мудрецами, как Парменид, Пифагор, Сократ или Аристотель, фигурируют персонажи со странными именами — *Acsubofes, Sictus, Vocostus, Siticos, Sistocos, Basem*; исследователи предполагают, что это анаграммы, но исходные имена неизвестны (см.: [27, p. 21]).

Таким образом, для «культурной истории» Европы раннего Нового времени можно проследить несколько перспективных линий исследования. Конечно, необходимо продолжать работу по дешифровке анаграмматического кода, апробированного интеллектуалами в Средние века и эпоху Ренессанса и достигшего расцвета в период барокко. Кроме того, анаграмма, которая является привычным объектом исследования для филологов или историков культуры, в последние годы оказывается также в фокусе внимания исследователей социальной истории. В этой связи уместно указать на две работы. Во-первых, Паскаль Шаррон на материале французских рукописей XV века проанализировал роль анаграмматических девизов. Королевские чиновники (нотариусы, финансисты), вышедшие из неаристократических кругов, формировали социальное сословие, для которого девиз выступал одним из средств манифестации идентичности. Оказалось, что чиновникам была присуща культура двусмысленности, анаграммы представляли собой, как правило, странные формулы, в которых господствовала игровая фантазия без претензий на открытие потайных смы-

---

⁶ Эта игра по созданию акростиха имела уже солидную историю. По крайней мере в «Романе об Александре» Готье де Шатильона (XII век) имя адресата поэмы *Guillermus* вычитывалось из первых букв в первых словах каждой стиха каждой книги: *Gesta, Victorem, Iam* и т. д. (см.: [15, p. 275]).

слов носителя имени [7]. Во-вторых, В. Рудт де Колленберг показал на обширном материале, что при крещении мусульман в Италии XVII—XVIII веков активно использовалось анаграммирование имен патронов для новообращенных в христианскую веру бывших рабов: миланец Джованни Сильва выбрал для тунисского негра имя Сальви (*Silva — Salvi*), аббат Лазаро Ботти — для девятнадцатилетнего крестника китайского происхождения имя Тибо (*Botti — Tibo*) и т. д. [25].

Практика анаграммирования, восходившая к древнеиндоевропейским ритуалам и изощренной игре ума ренессансных интеллектуалов, стала в Новое время приобретать новые функции, о которых не догадывались средневековые каббалисты и не подозревают многие из современных любителей анаграмм.

Список литературы

1. Дементьев И. О. «Что (не) написал Соссюр»: полвека дискуссий о теории анаграмм // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. №8. С. 17–25.
2. Ивлева М. А. Вторичное кодирование в загадках Эксетерского кодекса // Вестник НГУ. 2009. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 7, вып. 2. С. 86–96.
3. Проскурин С. Г. Индоевропейские истоки именованья бога в христианской традиции // Вестник НГУ. 2006. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 4, вып. 1. С. 65–69.
4. Сорокина С. В. К вопросу о значении хризм на порталах романских церквей XI–XII веков в Пиренеях // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. Вып. 73–1. С. 430–437.
5. Augarde T. *The Oxford guide to word games*. Oxford; N. Y., 1986.
6. Bruand O. *Les qualificatifs de palatium, castrum et castellum sur les monnaies mérovingiennes et carolingiennes (VIIe – IXe siècle)* // «Aux marches du Palais». *Qu'est-ce qu'un palais médiéval? Données historiques et archéologiques*. Actes du VIIe Congrès international d'Archéologie Médiévale (Le Mans – Mayenne 9–11 septembre 1999). Caen, 2001. P. 23–28.
7. Charron P. *Culture du secret et goût de l'équivoque: les manuscrits à devise anagrammatique à la fin du Moyen âge* // *Lecture, representation et citation. L'image comme texte et l'image comme signe (XIe – XVIIe siècle)* / ed. Ch. Heck. Lille, 2007. P. 117–128.
8. Clément M. *Nom d'auteur et l'identité littéraire: Louise Labé Lyonnaise. Sous quell nom être publiée en France au XVIe siècle?* // *Réforme, Humanisme, Renaissance*. 2010. Vol. 70, №70. P. 73–101.
9. Crawford W. J. P. *The influence of Seneca's tragedies on Ferreira's Castro and Bermúdez's Nise lastimosa and Nise laureada* // *Modern philology*. 1914. Vol. 12, №3. P. 39–54 (171–186).

10. De Michelis C. G. Il valdismo e le terre russe (secc. XIV – XVI) // *Revue de l'histoire des religions*. 2000. Vol. 217, №217 – 1. P. 139 – 153.

11. Dunlop G. A. The sources of the Idyls of Jean Vauquelin de la Fresnaye // *Modern philology*. 1914. Vol. 12, №3. P. 1 – 32 (133 – 164).

12. Duprat A. La caricature, arme au poing: l'assassinat d'Henri III // *Sociétés & Représentations*. 2000. №10. URL: http://www.cairn.info/zen.php?ID_ARTICLE=SR_010_0103 (дата обращения: 01.07.2015).

13. Elk M. van. Courteliness, piety, and politics: emblem books by Georgette de Montenay, Anna Roemers Visscher, and Esther Inglis // *Early Modern women and Transnational communities of letters* / ed. J. D. Campbell and A. R. Larsen. Farnham, 2009. P. 183 – 210.

13. Fabre C. Guida de Rodez, inspiratrice de la poésie provençale (1212 – 1266) // *Annales du Midi: revue archéologique, historique et philologique de la France méridionale*. 1912. T. 24, №95. P. 321 – 354.

14. Gallais P. Recherches sur la mentalité des romanciers français du moyen âge // *Cahiers de civilisation médiévale*. 1970. №52, Oct.-déc. P. 333 – 347.

15. Ganeva M. Poétique de l'expression de soi dans l'*Alexandreis* et la paraphrase du *Psaume 50* de Gautier de Châtillon // *Cahiers de civilisation médiévale*. 2007. №199. Juillet – sept. P. 271 – 288.

16. Greiner F. Écriture et ésotérisme dans un traité alchimique de la fin de la Renaissance: Le *De Alchemiae difficultatibus* de Theobald de Hoghelande // *Bulletin de l'Association d'étude sur l'humanisme, la réforme et la renaissance*. 1994. Vol. 38, №38. P. 45 – 71.

17. Janssens L. La tradition d'une cryptographie satirique médiévale (d'Ovide à Clément IV, Napoléon Ier, Hitler) // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1992. T. 70, №4. P. 960 – 996.

18. Kendall C. B. The allegory of the church. Romanesque portals and their verse inscriptions. Toronto, 1998.

19. Koźluk M. «Ceste grande et vaste mer de la composition des medicamens»: le statut de la pharmacie et la figure de l'apothicaire dans la préface médicale de la Renaissance (1528 – 1628) // *Revue d'histoire de la pharmacie*. 2008. №358. P. 203 – 216.

20. Liede A. Dichtung als Spiel. Studien zur Ursinns poesie an den Grenzen der Sprache. Berlin, 1963. Bd. 2.

21. Perrot J.-P. [Rev.:] Brian S. Merrilees, éd. – «La vie des set dormanz» by Chardri 1977 («Anglo-Norman Texts», 35) // *Cahiers de civilisation médiévale*. 1983. Vol. 26, №102. P. 194.

22. Ribard J. Les romans de Chrétien de Troyes sont-ils allégoriques? // *Cahiers de l'Association internationale des études françaises*. 1976. №28. P. 7 – 20.

23. Richelet P. Nouveau dictionnaire français. Amsterdam, 1709. T. 1.

24. Riva G. Anagrams... *Ars magna*. Aneddoti e curiosità sul mondo dell'anagramma raccolti e organizzati da Pippo (2014). URL: <http://www.enignet.it/uploads/documenti/Opus16-Anagrams%20ars%20magna.pdf> (дата обращения: 01.07.2015).

25. Rudt de Collenberg W.H. Le baptême des musulmans esclaves à Rome aux XVIIe et XVIIIe siècles. I. Le XVIIe siècle // Mélanges de l'Ecole française de Rome. Italie et Méditerranée. 1989. T. 101, №1. P. 9–181.

26. Testenoire P.-Y. Sur une philologie anagrammatique: rencontre d'un linguiste (Saussure) et d'un poète (Tzara) // Fabula-LhT. 2008. №5. URL: <http://www.fabula.org/lht/5/testenoire.html> (дата обращения: 01.07.2015).

27. Tournon A. De la sagesse des autres à la folie de l'Autre: Ronsard, Béroalde de Verville // Littérature. 1984. №55. P. 10–23.

28. Tzara T. Le Secret de Villon. P., 1991.

29. Variot G. Les sépultures de Collonges en Bourgogne // Bulletins de la Société d'anthropologie de Paris, IV° Série. 1897. T. 8. P. 613–625.

30. Zink M. Une mutation de la conscience littéraire: le langage romanescque à travers des exemples français du XIIe siècle // Cahiers de civilisation médiévale. 1981. №93. P. 3–27.

Ilya Dementyev

**'A POWER OF SHUFFLED LETTERS':
ANAGRAMS IN THE EUROPEAN CULTURE
OF THE MIDDLE AGES AND THE RENAISSANCE**

This article addresses the history of anagrams in the European culture of the Middle Ages and Renaissance. The author stresses the variety of application of anagrams within cultural practices of different social groups. Promising areas of research on anagrams in the context of European culture are identified.

Key words: *anagram, medieval European culture, Renaissance.*